

«ОТКРЫТАЯ ТЕКСТУРА» ЭМПИРИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНТИРЕДУКЦИОНИЗМ ФРИДРИХА ВАЙСМАНА*

**Оглезнев Виталий
Васильевич** – доктор
философских наук,
профессор.

Национальный исследова-
тельский Томский государ-
ственный университет.
Российская Федерация,
634050, г. Томск,
пр. Ленина, д. 36;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

В статье подробно рассматриваются идея «открытой текстуры» эмпирических понятий и проблемы верификационизма в том виде, в котором они были сформулированы в работах Фридриха Вайсмана. Показано, что эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать по двум причинам: из-за неполноты описания материального объекта и из-за открытой текстуры используемых в них понятий. Мы не можем окончательно верифицировать высказывания, в которых содержатся эмпирические понятия, потому что не можем определить эти понятия исчерпывающим образом из-за их открытой текстуры. В этом смысле определение понятия будет неполным и незавершенным. Предложена интерпретация открытой текстуры как имманентного свойства понятия, как нечто такого, что в нем заложено *a priori*, и которое может породить смутность. Это позволяет сделать вывод, что открытая текстура является *возможностью смутности*, поэтому смутность в отличие от открытой текстуры устранить можно. Проведенный анализ позволяет обосновывать тезис, что аргумент об «открытой текстуре» является онтологическим основанием лингвистического антиредукционизма Вайсмана.

Ключевые слова: открытая текстура, эмпирические понятия, определение, верификация, описание, полнота, редукция, естественный язык.

THE “OPEN TEXTURE” OF EMPIRICAL CONCEPTS AND LINGUISTIC ANTI-REDUCTIONISM OF FRIEDRICH WAISMANN

Vitaly V. Ogleznev –
DSc in Philosophy, professor.
National Research Tomsk
State University.
36 Lenin Ave, 634050, Tomsk,
Russian Federation;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

The article presents a careful analysis of the idea of the “open texture” of empirical concepts and the problems of verification in the way that they were formulated by Friedrich Waismann. The idea of the “open texture” means for Waismann a certain type of a linguistic indeterminacy or a sort of lack of definition, which must be distinguished from, and linked to, another types like vagueness or ambiguity. It is shown that empirical statements are not conclusively verifiable for two different reasons: the incompleteness of description of the material object and the open texture of the terms involved. We cannot conclusively verify statements in which the empirical concepts are used, because we cannot define these concepts in an exhaustive way because of their open texture. Thus, the definition of the concept will be

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–011–00119а «Неопределенность и “открытая текстура” юридического языка».

incomplete. Waismann's approach to definition plays here a key role, and it is directly related to the open texture of concepts. The author proposes interpreting the open texture as an immanent property of the concept, as something that is embedded in it *a priori*, and which can cause a vagueness. Nevertheless, an open texture must be distinguished from a vagueness. This leads to the conclusion that an open texture is a possibility of vagueness; vagueness can be remedied by giving more accurate rules, open texture cannot. In this sense, the "open texture" of a language allows for a more precise definition of concepts (by adjusting the definition) if appropriate circumstances arise. This justifies the thesis that the argument of the open texture is the ontological basis of the linguistic anti-reductionism of Friedrich Waismann.

Keywords: open texture, empirical concepts, definition, verification, description, reduction, natural language

Тезис об «открытой текстуре»¹ эмпирических понятий был задуман Фридрихом Вайсманом в качестве аргумента против феноменалистской позиции о редукции высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных и верификационизма в целом. Неудовлетворенность методом верификации, применяемым в качестве критерия фактической истинности и научной осмысленности высказываний и выражающим требование сводимости значения высказывания к способу его эмпирической проверки, привела Вайсмана к ключевому выводу, что «неполнота верификации укоренена в неполноте определения привлекаемых понятий, а неполнота определения укоренена в неполноте эмпирического описания» [Waismann, 1960, p. 123]. То, что мы не можем дать исчерпывающего определения «привлекаемых понятий», т. е. описать ситуации их использования, связано, по мнению Вайсмана, с тем, что они обладают «открытой текстурой». Здесь следует отметить, и далее мы в этом убедимся, что под «открытой текстурой» Вайсман понимает особую разновидность лингвистической неопределенности, которую следует, по его словам, отличать от иных видов «отсутствия определения» (lack of definition), таких как смутность

¹ Английская версия термина «open texture» является произвольным переводом оригинальной немецкой фразы «die Porosität der Begriffe». Английская версия («open texture») была предложена Вайсману Уильямом Нилом [Waismann, 1960, p. 119], и именно эта версия получила широкое распространение в современной литературе. Синонимом «open texture» является выражение «the porosity of concept», которое является дословным переводом «die Porosität der Begriffe» и которое следовало бы переводить на русский язык как «пористость понятия», т. е. рыхлость или в более специальном смысле – нестабильность понятия, что в большей степени соответствует семантике этого термина. Но для сохранения некоторой лингвистической преемственности в этом тексте используется калька английской версии.

и двусмысленность [Waismann, 1961, p. 11]. Тезис об «открытой текстуре» становится, таким образом, онтологическим основанием лингвистического антиредукционизма Вайсмана. Однако несмотря на то, что его исследование было ограничено в основном анализом эмпирических понятий, эпистемологическое значение тезиса об «открытой текстуре» начинает неожиданно проявляться и в нефизикалистских типах дискурса, а именно в аналитической философии права. Благодаря Герберту Харту идея «открытой текстуры», которую он эксплицировал в юридическом языке, получает как бы вторую жизнь и основательно закрепляется в качестве методологического принципа анализа юридических понятий [Харт, 2007, с. 128–139; Оглезнев, 2016]. Концепция «открытой текстуры» юридического языка и его понятий оказалась настолько плодотворной, что стала самостоятельным предметом исследования и приобрела новую интерпретацию, пусть даже и отстоящую от оригинального источника [Lyons, 1999; Keil, Poscher, 2017]. И поэтому кажется неудивительным, что вопросы открытой текстуры языка (эмпирического или юридического) рассматриваются теперь преимущественно в работах теоретиков и философов права. Интерес к изучению открытой текстуры со стороны, прежде всего, философов права был спровоцирован не только и не столько самим этим феноменом, но тем, насколько вообще возможно адаптировать идею Вайсмана к праву и преуспел ли в этом Харт. Одинаковым ли образом Харт и Вайсман понимали эту идею? «Открытой текстурой» обладает право или язык, на котором оно выражено? Отличается ли открытая текстура права от открытой текстуры языка, на котором выражены юридические правила? На эти вопросы невозможно ответить, равно как и понять их значение, не обратившись к анализу концепции «открытой текстуры» в том виде, в котором она представлена в работах Вайсмана, и прежде всего в его «Verifiability» [Waismann, 1960] и «Language Strata» [Waismann, 1961].

По мнению Вайсмана, основные проблемы верификации заключаются в том, что эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать по двум причинам: во-первых, из-за неполноты описания материального объекта и, во-вторых, из-за открытой текстуры привлекаемых понятий. Но как открытая текстура эмпирических понятий связана с неполнотой эмпирического описания, с одной стороны, и как все это связано с верификацией эмпирических высказываний, с другой стороны? Ответ Вайсмана состоит в том, что мы не можем окончательно верифицировать высказывания, в которых содержатся эмпирические понятия, потому что не можем определить эти понятия исчерпывающим образом из-за их открытой текстуры. В этом смысле определение понятия, а под определением понятия Вайсман понимает описание условий его употребления, будет неполным и незавершенным. Подход Вайсмана

к определению играет здесь ключевую роль, и он непосредственно связан с открытой текстурой понятий.

Под определением Вайсман понимает особую логическую форму прояснения понятий или выражающих эти понятия терминов. Какова задача определения? Если возникает ситуация, когда необходимо прояснить контекст, то понятию или термину, употребляемому в данном контексте, дается определение. Возьмем, например, в качестве контекста следующее высказывание: «Использование средств передвижения в парке запрещено». Что является здесь «средством передвижения»? Вспомним слова Остапа Бендера, что «автомобиль – не роскошь, а средство передвижения», и допустим, что речь идет о транспортных средствах (автомобилях, автобусах, грузовиках и проч.). Исходя из этого, мы можем дать следующее определение этому понятию: «Средство передвижения – это техническое устройство для перевозки людей и/или грузов». Будет ли это определение исчерпывающим? В стандартной ситуации такого определения вполне достаточно: мы понимаем, что использование автомобилей в парке запрещено, и поэтому их не используем. Проблемы начинаются тогда, когда мы сталкиваемся с нестандартными ситуациями, когда мы не можем сказать, подпадают ли под это требование, например, инвалидные коляски с электроприводом, сегвеи, гироскутеры или хOVERборды. Получается, что мы не можем предвидеть и описать всевозможные ситуации, в которых это понятие должно использоваться, и в результате наше определение оказывается неполным и незавершенным. Но предположим, что мы смогли полностью описать ситуацию, ничего не упустив, тогда мы могли бы составить исчерпывающий перечень всех обстоятельств, в которых этот термин должен использоваться так, чтобы не осталось никаких сомнений:

Мы могли бы создать *полное определение*, т. е. модель мысли, которая предвосхищает и раз и навсегда разрешает все возможные проблемы или использования. Поскольку мы никогда на самом деле не сможем исключить возможность возникновения какого-либо непредвиденного фактора, мы никогда не сможем быть уверены в том, что мы включили в наше определение все, что необходимо, и, следовательно, процесс определения и уточнения идеи будет продолжаться бесконечно. Иными словами, каждое определение растягивается до открытого горизонта. Как бы мы ни пытались, ситуация всегда будет прежней: определение эмпирического термина не будет охватывать все случаи. Таким образом, неполнота нашей верификации укоренена в неполноте определения привлекаемых терминов, а неполнота определения укоренена в неполноте эмпирического описания [Waismann, 1960, p. 122–123].

Определение при таком подходе релятивизируется относительно контекста, который задает основания его проверки. Разъяснение

контекста происходит простой подстановкой того, что считается эквивалентом неясному понятию или термину. Если подставить в высказывание «Использование средств передвижения в парке запрещено» вместо «средство передвижения» «автомобиль», то мы получим вполне осмысленное высказывание «Использование автомобилей в парке запрещено». Самое главное требование здесь заключается в том, чтобы контекст не изменил своего смыслового значения. Определение в таком случае рассматривается как способ замены одних выражений другими без изменения смысла всего контекста, т. е. как терминологическая конвенция, в которой устанавливается способ употребления понятий и выражающих эти понятия терминов. Как проверить, правильно ли мы дали определение? Если мы исходим из того, что определение – это терминологическая конвенция, определение считается правильным тогда, когда при возможных подстановках не меняется истинностное значение контекста. Допустим, мы определили «средство передвижения» как устройство или животное, при помощи которого кто-либо осуществляет перемещение. В таком случае средствами передвижения будут считаться Конёк-Горбунок, метла для игры в квиддич, ковер-самолет, сапоги-скороходы и проч. Будет ли предложенное определение средства передвижения правильным в заданном контексте? Здесь следует иметь в виду, что определения не проверяются на соответствие действительности, но разъясняют, в каком смысле понятие и выражающий его термин употребляются в соответствующем контексте. Определения не предназначены для установления истинности, основанной на фактах. Истинность контекста имеет отношение к определениям лишь в том смысле, что если при замене определяемого термина на то, как его определили, контекст изменяется, то определение считается неверным [Оглезнев, Суровцев, 2017, с. 285]. Значение имеет только содержание определения. Правильность или неправильность являются его содержательными характеристиками (в отличие от структурных характеристик, имеющих другое назначение), которые проверяются через соответствие контексту. При таком подходе правильность определения определяет только контекст его употребления. Вайсман говорит именно об этом, что всегда можно найти такой контекст, где определение, какое бы мы ни дали, этому контексту соответствовать не будет:

Мы никогда не можем исключить возможности возникновения какой-либо непредвиденной ситуации, в которой нам придется изменить наше определение. Как бы мы ни старались, ни одно понятие не может быть ограничено так, чтобы не оставалось никаких сомнений. <...> Мы склонны упускать из виду тот факт, что всегда есть другие направления, где понятие не было определено. А, допуская это, мы могли бы легко представить условия, для которых необходимы

новые ограничения. Короче говоря, невозможно определить понятие с абсолютной точностью, т. е. таким способом, который преграждал бы путь всякому сомнению [Waismann, 1960, p. 120].

А это как раз и есть то, что подразумевается под открытой текстурой понятия. Мы не можем определить понятия исчерпывающим образом из-за их открытой текстуры.

Однако в литературе можно встретить и другие мнения, например, что идея открытой текстуры Вайсмана является не такой уж и оригинальной. В частности, Давид Буниковски утверждает, что «Вайсман заблуждался в том, что считал себя первым, кто обнаружил этот феномен, потому что схожие идеи встречаются уже в работах Фомы Аквинского, Лейбница и Мейнонга» [Bunikowski, 2016, p. 19]. Интересным представляется наблюдение Фредерика Шауэра, который утверждает, что «примерно в одно и то же время с обсуждением Вайсманом открытой текстуры, Джон Лэнгшо Остин развивает схожую идею и даже ярче» [Schauer, 2013, p. 198]. Действительно, рассуждения Остина в статье «Другие сознания» о том, как ответить на вопрос «Откуда мы знаем, что это щегол?», очень напоминают идею открытой текстуры Вайсмана. Как нам средствами естественного языка определить и (или) описать этого щегла, когда нас об этом просят? Конечно, можно указать или с той или иной степенью точности изложить те отличительные особенности ситуации, которые позволяют описать имеющееся нечто как удовлетворяющее именно тому описанию, которое мы дали. Но будет ли наше описание полным? Сталкиваясь с вопросами вроде «Откуда я знаю, что это щегол?» или «Как доказать то, что этот щегол действительно реален?», отмечает Остин, мы всегда будем оставаться неуверенными в том, что приведенных квалифицирующих признаков и отличительных свойств достаточно. Допустим мы убедились в том, что это — щегол и он реальный, «а потом произошло нечто из ряда вон выходящее (например, он вдруг взорвался в воздухе, начал цитировать из Вирджинии Вульф или что угодно еще), мы не говорим, что мы были не правы, называя его щеголом, — мы просто *не знаем, что на это сказать*» [Остин, 2006, с. 109]. Как и Вайсман, Остин приходит к выводу, что «количество имеющихся в естественном языке классифицирующих слов относительно невелико, кроме того, эти слова представляют собой лишь приблизительные описания; а число признаков, которые распознаются или могут быть распознаны, бесконечно» [там же, с. 105]. Эта мысль Остина походит на тезис Вайсмана о неполноте описания. Неполнота описания влияет на неполноту определения в том смысле, что определение неполно тогда и только тогда, когда невозможно описать ситуации употребления термина. Неполнота описания, по мнению Остина, влияет на достоверность знания, но не в том, что появление новых, ранее непредвиденных

обстоятельств может обнаружить в знании ошибку, но в том, что «будущее может заставить нас *пересмотреть наши представления* о щеглах или о реальных щеглах или о чем бы то ни было еще» [Остин, 2006, с. 109]. Это значит, что мы снова сталкиваемся с открытой текстурой языка.

Открытая текстура, согласно Вайсману, является очень важной чертой большинства, хотя и не всех, эмпирических понятий, и именно эта текстура мешает нам окончательно верифицировать большинство эмпирических высказываний. Иными словами, невозможность окончательной или полной верификации эмпирических высказываний связана с открытой текстурой терминов, используемых в этих высказываниях. Термины, которые встречаются, например, в высказывании «Использование средств передвижения в парке запрещено», не имеют исчерпывающего определения и полного описания, поскольку мы не можем предвидеть все возможные условия, в которых они должны использоваться. Всегда остается возможность, что мы не учли того или иного условия или обстоятельства, имеющего отношение к их употреблению, т. е. мы не можем предвидеть все возможные обстоятельства, при которых утверждение будет истинным или ложным, и поэтому «всегда будет оставаться зазор неуверенности» [Waismann, 1960, p. 121]. Открытая текстура терминов, используемых в высказывании, предполагает появление непредвиденных и потенциально важных условий, которые могут повлиять на нашу оценку истины или ложности этого высказывания. Именно в этом смысле открытая текстура терминов препятствует окончательной верификации высказываний, в которых они содержатся. Нельзя при таком подходе согласиться, например, с точкой зрения Брайана Бикса, который считает, что, «несмотря на то, что дискуссии о верификации часто являются контекстом для анализа Вайсманом “открытой текстуры”, это понятие не связано непосредственно с проблемами верификации» [Vix, 1991, p. 57]. Напротив, невозможность окончательной верификации у Вайсмана напрямую связана с открытой текстурой соответствующих терминов.

Мы не можем завершить верификацию, с одной стороны, потому что не можем исчерпывающим образом описать материальный объект, а с другой стороны, потому что открытая текстура привлекаемых понятий всегда оставляет возможность появления чего-то нового и непредвиденного: «Если бы не существовало возможности появления чего-то нового, то не могло бы быть ничего подобного открытой текстуре понятий; а если бы не было открытой текстуры понятий, верификация была бы неполной только в том смысле, что она никогда не была бы завершена» [Waismann, 1960, p. 123–124]. В качестве контрастирующего примера Вайсман приводит случай проблемы Гольдбаха – утверждения о том, что любое четное число можно представить в виде суммы двух простых чисел. Понятия

математики это не эмпирические, но теоретические понятия, они обладают *закрытой текстурой*. Концепция открытой текстуры, например, не приложима к натуральному ряду чисел, поскольку натуральный ряд бесконечен. Но наша неспособность его определить, не свидетельствует об открытой текстуре понятий математики, но лишь о незаконченности верификации. Открытая текстура указывает на то, что содержание любого эмпирического понятия до конца не известно. Напротив, содержание теоретических понятий (понятий математики) определено до конца, например понятие натурального числа задается индуктивным определением через построение натурального ряда. Но мы не можем верифицировать данное утверждение, поскольку не можем закончить верификацию каждого числа натурального ряда. Это приводит Вайсмана к выводу, что даже несмотря на закрытый характер понятий математики верификация высказываний, в которых содержатся подобные понятия, не будет завершена. Однако открытая текстура дает возможность продолжать эмпирические исследования. Мы можем корректировать определения понятий с открытой текстурой в случае появления новых контекстов.

Но если открытую текстуру устранить нельзя, то как мы можем скорректировать определения понятий с открытой текстурой? Мы можем это сделать, по словам Вайсмана, допустив, что «открытая текстура является чем-то вроде *возможности смутности*»:

Смутность следует отличать от *открытой текстуры*. Слово, которое фактически используется изменчивым способом (например, «куча» или «розовый»), считается смутным; термин, вроде термина «золото», хотя его фактическое употребление может не быть смутным, не имеет исчерпывающего определения или обладает открытой текстурой в том смысле, что мы никогда не сможем заполнить все возможные пробелы, через которые может просочиться сомнение. Поэтому открытая текстура является чем-то вроде *возможности смутности* (possibility of vagueness). Смутность может быть устранена посредством установления более точных правил, открытая текстура – нет. Иначе говоря, определения открытых терминов *всегда* являются корректируемыми [Waismann, 1960, p. 120].

Эта идея Вайсмана получила достаточно широкое распространение в научной литературе не только потому, что она внесла некоторую ясность в соотношение понятий открытой текстуры и смутности (vagueness), но потому, что это разъяснение стало фактически основой концепции открытой текстуры. Ни одна попытка рассмотреть идею открытой текстуры в каком бы то ни было контексте сегодня не обходится без учета этого тезиса. Более того, различение смутности и открытой текстуры, предпринятое Вайсманом, привело к исследованиям их связи с такими семантически близкими понятиями, как «неопределенность» (indeterminacy), «двусмысленность» (ambiguity),

«сомнительность» (uncertainty) и др. Например, Джереми Уолдрон считает, что «в философской литературе двусмысленность (ambiguity) отличается от *оспоримости* (contestability), а оба эти термина – от *смутности* (vagueness). Если нам нужен общий термин, охватывающий все три понятия, мы можем использовать “неопределенность” (indeterminacy)» [Waldron, 1994, p. 512]. Или Ральф Пошер отмечает, что «двусмысленность (ambiguity) применима для описания множественности значений, а смутность (vagueness) — для пограничных случаев. В более специальном смысле двусмысленность предназначается для описания предложений и слов, как нечто предпропозициональное, а смутность для описания пропозиций и понятий, как значение слов и предложений» [Poscher, 2012, p. 129].

Интересным представляется наблюдение Фелиции Акерман, которая считает, что Вайсман выдвигает два самостоятельных способа того, как различить смутность и открытую текстуру. Более того Акерман, считает, что смутность и открытая текстура у Вайсмана являются разновидностями неопределенности (indeterminacy). В первом случае речь идет о реальности, а не о возможности, существования неопределенных обстоятельств, тогда как во втором – о корректируемости неопределенности посредством более точных правил. Причем именно второй способ, по мнению Акерман, представляет философский интерес: «Поскольку вопросы об источнике, логике и возможности исправления такой неопределенности кажутся независимыми от того, существуют ли реальные сущности, для которых приложение термина является неопределенным, <...> термин считается неопределенным, если и только если существуют реальные или логически возможные случаи, когда в принципе нет определенного ответа, применим ли этот термин» [Akerman, 1994, p. 130]. Из чего Акерман делает вывод, что философский смысл того, что Вайсман называет открытой текстурой, сжимается до комбинации условий смутности. Невозможность устранить неопределенность подобного рода, казалось бы, является самой эмпирической невозможностью. Но даже если ограниченность человеческого разума препятствует способности заранее представить все возможные аномальные случаи и, следовательно, принять решение относительно всех непредвиденных случаев изменения значения определенных терминов, логически возможно, что некоторые человеческие существа с лучшими интеллектуальными способностями могут это сделать. Следовательно, заключает Акерман, «сочетание условий смутности могло бы быть неотъемлемой чертой естественного языка» [ibid., p. 131].

Таким образом, открытая текстура – это имманентное свойство понятия, это нечто такое, что в нем заложено *a priori*. Мы знаем *a priori*, что понятие окончательно определить невозможно. В этом и заключается фундаментальный посыл Вайсмана при попытке дать

определение понятию: как бы мы ни пытались определить понятие, открытую текстуру мы устранить не можем. Любой предмет, относительно которого мы образуем понятие, обладает бесконечным множеством свойств. И мы всегда можем найти такой предмет, который не подпадает под наше понятие, но который вроде бы нужно туда отнести. Поэтому мы корректируем определение понятия, добавляя дополнительные признаки. Но это не означает, что мы пришли к окончательному определению. Понятие все равно характеризуется открытой текстурой как некоторым *a priori*, которое в самом понятии заложено. Это имманентное свойство может порождать смутность, но смутность в отличие от открытой текстуры в принципе устранима, поэтому открытая текстура является, как указывает Вайсман, *возможностью смутности*. Смутность как бы открывает потенциальное *a priori*. Даже если мы смутность устраняем, она потенциально может возникнуть, потому что открытая текстура остается. Устранив одну смутность, может возникнуть другая, именно в этом отношении открытая текстура есть потенциальность (возможность) смутности. Но как в таком случае устранить смутность? Понятие «средство передвижения», обладая открытой текстурой, является смутным в том смысле, что какие бы новые квалифицирующие признаки мы ни добавляли, мы не сможем завершить определение. На определенном этапе мы можем смутность устранить, установив более точные правила употребления этого понятия, например, считать средством передвижения техническое устройство для перевозки людей и (или) грузов, производящее шум и загрязняющее воздух. Но через какое-то время могут появиться средства передвижения, не соответствующие этим правилам, но подпадающие под это понятие и приводящие к новой смутности. Контекст употребления здесь имеет решающее значение, т. е. при появлении нового контекста мы вынуждены корректировать наше определение относительно этого контекста. К схожему выводу приходит Уолдрон, говоря, что смутность соответствующего термина обнаруживается в контексте его употребления: «Мы не можем знать, является ли слово смутным, пока не узнаем, как оно используется» [Waldron, 1994, p. 511]. Но смутность устраняется не контекстом или фактом появления нового контекста, но корректировкой ранее сформулированного определения. Возможно, именно этот факт Вайсман имел в виду, когда говорил, что «определения открытых терминов всегда являются корректируемыми» [Waismann, 1960, p. 120].

Однако, по мнению Гордона Бейкера, в аргументации Вайсмана содержится логическая ошибка – *circulus vitiosus*, а именно *circulus in demonstrando*, т. е. при доказательстве тезиса им используются аргументы, которые сами обосновываются через доказываемый тезис: «эмпирический дискурс имеет открытую текстуру потому, что ни одно правило не может быть сформулировано так, чтоб не возникло сомне-

ние относительно его применения, а смысл любого эмпирического предложения не определен, поскольку он объясняется правилом, которое не может быть окончательно сформулировано» [Baker, 1977, p. 37]. Но с этой позицией нельзя согласиться как раз потому, что благодаря смутности мы можем корректировать определения терминов с открытой текстурой, а значит, – избегать подобного рода логических ошибок и спростить вполне осмысленное рассуждение.

Нельзя сказать, что Вайсман недооценивал невозможность окончательного определения понятий. Напротив, он утверждал, что наш язык должен быть организован таким образом, чтобы мы могли адекватно реагировать на изменения лингвистических практик. Нам не надо разрабатывать всевозможные способы определения понятий вроде «средство передвижения», поскольку тех способов, что у нас уже есть, вполне достаточно для установления того, что автомобиль является средством передвижения. Если бы возникли обстоятельства, которые заставили бы нас изменить понятие «средство передвижения», мы могли бы это сделать, добавив в него новые свойства. Именно появление новых, непредвиденных обстоятельств вынуждает нас пересматривать наши понятия, потому что мы не можем учесть их всех, когда понятия образуем. В этом смысле «открытая текстура» языка позволяет более точно определять понятия (посредством корректировки определения), если возникают соответствующие обстоятельства.

Список литературы

Оглезнев, 2016 – *Оглезнев В.В.* «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 237–244.

Оглезнев, Суровцев, 2017 – *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* В каком смысле определения могут быть истинными или ложными: о работе А. Папа «Теория определений» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 283–295.

Остин, 2006 – *Остин Дж.Л.* Другие сознания // Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 96–137.

Харт, 2007 – *Харт Г.Л.А.* Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 302 с.

Ackerman, 1994 – *Ackerman F.* Roots and Consequences of Vagueness // *Philosophical Perspectives*. 1994. № 8. Pp. 129–136.

Baker, 1977 — *Baker G.P.* Defeasibility and Meaning // *Law, Morality, and Society: Essays in Honor of H.L.A. Hart*. Oxford: Clarendon Press, 1977. Pp. 26–57.

Bix, 1991 – *Bix В.Н.* H.L.A. Hart and the Open Texture of Language // *Law and Philosophy*. 1991. No. 1(10). Pp. 51–72.

Bunikowski, 2016 – *Bunikowski D.* The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge // *Rechtstheorie*. 2016. No. 47. Pp. 1–24.

Keil, Poscher, 2017 – *Keil G., Poscher R.* Vagueness in the Law: Philosophical and Legal Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2017. 350 pp.

Lyons, 1999 – *Lyons D.* Open Texture and the Possibility of Legal Interpretation // *Law and Philosophy*. 1999. Vol. 18. No. 5. Pp. 297–309.

Poscher, 2012 – *Poscher R.* Ambiguity and Vagueness of Legal Interpretation // *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 128–144.

Schauer, 2013 – *Schauer F.* On the Open Texture of Law // *Grazer Philosophische Studien*. 2013. No. 87. Pp. 197–215.

Waismann, 1968 – *Waismann F.* How I See Philosophy. L.: Palgrave Macmillan, 1968. 272 p.

Waismann, 1961 – *Waismann F.* Language Strata // *Logic and Language: Second Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 1961. Pp. 11–31.

Waismann, 1960 – *Waismann F.* Verifiability // *Logic and Language: First Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 1960. Pp. 117–144.

Waldron, 1994 – *Waldron J.* Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues // *California Law Review*. 1994. Vol. 82. No. 3. Pp. 509–540.

References

Ackerman, F. “Roots and Consequences of Vagueness”, *Philosophical Perspectives*, 1994, no. 8, pp. 129–136.

Baker, G.P. “Defeasibility and Meaning”, *Law, Morality, and Society: Essays in Honor of H.L.A. Hart*. Oxford: Clarendon Press, 1977, pp. 26–57.

Bix, B.H. “H.L.A. Hart and the Open Texture of Language”, *Law and Philosophy*, 1991, no. 1(10), pp. 51–72.

Bunikowski, D. “The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge”, *Rechtstheorie*, 2016, no. 47, pp. 1–24.

Hart, G.L.A. *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 2007, 302 pp. (In Russian).

Keil, G. & Poscher, R. *Vagueness in the Law: Philosophical and Legal Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 350 pp.

Lyons, D. “Open Texture and the Possibility of Legal Interpretation”, *Law and Philosophy*, 1999, no. 5(18), pp. 297–309.

Ogleznev, V.V. “Otkrytaya tekstura» yuridicheskogo yazyka” [“Open Texture” of Legal Language], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 2(34), pp. 237–244 (In Russian)

Ogleznev, V.V. & Surovtsev V.A. “V kakom smysle opredeleniya mogut byt’ istinnymi ili lozhnymi: o rabote A. Papa ‘Teoriya opredeleniy’” [In What Sense Definitions Can Be True or False: Some Remarks to A. Pap’s Article “A Theory of Definition”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 283–295 (In Russian)

Austin, G. “Drugie soznaniya” [Other Minds], in: Austin, G. *Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty* [Three Ways to Shed Ink. Philosophical Writings]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 2006, pp. 96–137 (In Russian)

Poscher, R. “Ambiguity and Vagueness of Legal Interpretation”, *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 128–144.

Schauer, F. “On the Open Texture of Law”, *Grazer Philosophische Studien*. 2013, no. 87, pp. 197–215.

Waismann, F. *How I See Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 1968, 272 pp.

Waismann, F. “Language Strata”, *Logic and Language: Second Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 1961, pp. 11–31.

Waismann, F. “Verifiability”, *Logic and Language: First Edition*. Oxford: Basil Blackwell, 1960, pp. 117–144.

Waldron, J. “Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues”, *California Law Review*, 1994, no. 3(82), pp. 509–540.